

Многочисленные фронтальные описания русского словообразования осуществлялись до сих пор в основном на базе узуальной лексики, неологизмы и окказионализмы же изучались, как правило, в связи с установлением степени и сферы продуктивности установившихся моделей или в стилистическом аспекте. В последние годы на материале окказионализмов исследовался динамический аспект словообразования, условия коммуникации, способствующие действию словообразовательного механизма языка.

В рассматриваемой монографии известная в лингвистике идея описания не только реализованного, но и системно возможного, выдвигавшаяся в особенности применительно к словообразованию, находит крупномасштабное воплощение. На обширном материале разных подсистем русского словообразования И.С. Улуханов раскрывает возможности словообразовательного механизма в соотношении с реализацией их в узуальной и окказиональной лексике. Автор обоснован и выработан исчислительно-объяснительный метод изучения словообразовательной системы и на этой основе дано новое описание состава и свойств способов словообразования словообразовательных формантов, а также возможностей их пополнения – описание, которое существенно расширяет и углубляет сложившиеся в науке представления. Если в фундаментальной академической Русской грамматике (М, 1980) описано 15 узуальных и 2 окказиональных способа словообразования, то здесь – 79 способов, реализованных узуаль-

но (26) или окказионально (53). В их числе такие нестандартные, как десуффиксация + суффиксация: *здоровоохранитель* десуффиксация + префиксация: *повоспоминать*, десуффиксация + постфиксация: *коленипреклониться*, десуффиксация + сращение: *нуладный*, депрефиксация + суффиксация: *лепство*, депрефиксация + сложение: *малоприятности*, депостфиксация + суффиксация: *соприкоснуть*, десубстантивация + префиксация: *последостоевский*, декомпозиция + префиксация: *супермульти*, десуффиксация + суффиксация + постфиксация: *самообразоваться*, десуффиксация + префиксация + постфиксация: *навпечатляться* и др. (см., в частности, с 80–84).

В результате изучения реализованных единиц – способов словообразования и формантов – автором выявляются общие закономерности организации системы, которые указывают на наличие нереализованных единиц, возможность реализации которых этими закономерностями предусмотрена. В определенном аспекте можно согласиться с тем, что "нереализованные единицы составляют равноправную по отношению к реализованным часть описания" (с 7). Выявление максимума возможных единиц производится в работе посредством исчисления теоретически возможных единиц и их комбинаций, результат такого исчисления сопоставляется с числом реализованных и устанавливается процент реализации, свойственный тем или иным подсистемам. И.С. Улуханов приходит к выводу, что в

чистых способах словообразования реализуются почти все теоретически возможные операции с морфемами и фонемами, так что появление новых чистых способов вряд ли возможно, но этого нельзя сказать про смешанные способы (с. 203). В данной методике уязвим лишь один момент: в конечном итоге речь идет о нереализованности в пределах имеющегося у исследователя фактического материала и, следовательно, играет роль и фактор случайности. Это, впрочем, неизбежно при обращении к такой открытой системе, как лексика.

Принципиальное достоинство данного исследования, как и ряда других работ И.С. Улаханова, заключается в переходе от констатирующего способа описания, представленного в основной массе существующих синхронических грамматик, к объяснительному. Существенно, что объяснительный способ описания, как подчеркивает сам автор, "важен не только в теоретическом, но и в практическом отношении: изучающий язык лучше усваивает то, причина чего ему ясна" (с. 8). В большинстве случаев в монографии ставится и убедительно решается вопрос о причинах, предопределяющих как наличие/отсутствие тех или иных "клеток" словообразовательной системы, так и их заполнение или незаполнение. Такое описание "способствует полному представлению всей системы со всеми ее связями. Оно не может быть атомарным в силу самой своей природы" (с. 8).

Проблематика данной работы связана с определением границ между системными и несистемными явлениями, а также нормативными и ненормативными. Автор справедливо подчеркивает, что строгой границы между ними не существует, и речь идет о шкале, "место на которой определяется взаимодействующими или противоборствующими причинами" (с. 9), которые он и стремится выявить. В силу объективной сложности явлений анализ не всегда дает ответ на вопрос о том, "в какой степени новый факт речи является результатом расширения потенциальных возможностей языка или нарушением его системных закономерностей" (с. 9).

В монографии тщательно исследуется обширнейший фактический материал. Следующая за теоретическим Введением I глава посвящена узуальным, окказиональным и потенциально возможным способам словообразования современного русского литературного языка, II глава – соответствующим словообразовательным формантам. И.С. Улаханов показывает, что словообразовательные ресурсы русского языка,

реализованные в узуальной и особенно окказиональной лексике, намного превосходят то, что зафиксировано в существующей специальной литературе. Только в пределах узуальных способов словообразования насчитывается более 600 аффиксальных морфов и около 360 смешанных комбинаций морфов. Наряду с отмеченным выше исключительным разнообразием самих способов это составляет важную характеристику словообразовательного арсенала и потенциала русского языка. Давая общую характеристику смешанных способов словообразования с точки зрения их состава и количества, автор, в частности, обнаруживает, что доля реализованных комбинаций чистых способов по отношению к числу возможных комбинаций уменьшается с увеличением числа чистых способов, задействованных в той или иной комбинации. Это наблюдение согласуется с известной общей тенденцией уменьшения количества языковых единиц с увеличением их формальной сложности (ср. понятие глубины слова).

Характеризуя состав словообразовательных формантов и возможности его пополнения, И.С. Улаханов рассматривает возникновение новых аффиксов и новых значений у существующих аффиксов, проникновение аффиксов из чистых способов в смешанные, возникновение новых смешанных формантов, описывает узуальные, окказиональные и нереализованные сочетания значений формантов чистых способов в составе смешанных. Особое внимание уделено выявлению тех факторов, которые способствуют или препятствуют лексической реализации формантов смешанного словообразования.

В III главе дан обзор видов словообразовательных значений, выражаемых способами и формантами, описанными в предшествующих главах. Здесь особенно интересным нам представляется рассмотрение семантической инвариантности/неинвариантности формантов каждого способа, их частеречного распространения; выделены, в частности, суффиксы, выступающие в словах разных частей речи, и префиксы, способные изменять часть речи мотивирующего слова.

В кратком Заключение подводятся итоги исследования и выдвигается целый ряд новых проблем дериватологии, которые должны рассматриваться, по словам автора, с учетом существующих и возможных единиц. Среди них проблемы проникновения способов словообразования и отдельных формантов из одной части речи в другую (т.е. заполнение еще одного вида словообра-

зовательных лагун), стилистические свойства способов словообразования, особенности употребления в тексте слов, относящихся к отдельным способам, проблема лексического наполнения различных способов, семантического соотношения разных способов и др. Автор справедливо полагает, что изучение словообразовательной системы, направленное на выявление существующих и возможных единиц, "раскроет ... многие существенные свойства словообразовательного механизма и его непознанные возможности" (с. 207).

В заключение отметим отдельные моменты в монографии, которые представляются спорными или неразъясненными.

В ряде работ по словообразованию, как известно, различаются, помимо слов узусальных и окказиональных, также потенциальные, причем окказиональные считаются антиподами потенциальных и характеризуются нарушением законов словообразования данного языка. С другой стороны, в Русской грамматике [1980, I: 137], на которую в исходных понятиях опирается рассматриваемая монография, окказионализмы характеризуются как "встречающиеся в речи индивидуальные новообразования, присущие только данному контексту". Однако привязанность только к одному данному контексту вряд ли относится ко всему массиву слов, называемых в рецензируемой работе окказиональными. Хотелось бы видеть здесь прояснение и уточнение соотношения известных понятий и терминов.

Малоубедительным представляется отказ автора монографии от той трактовки форманта субстантивации, которая была принята им же (совместно с В.В. Лопатиным) в упомянутой Русской грамматике: "система флексий мотивированного слова (существительного), представляющая собой часть системы флексий мотивирующего (прилагательного или причастия)". На наш взгляд, словообразовательный формант обязательно "должен различать ...каждую из ... словоформ" мотивированного и мотивирующего (с. 31), об этом свидетельствует

наличие в языке многочисленных омоформ и омоморфем. Если формантом при субстантивации признать "только различие в синтаксической позиции и грамматической семантике мотивированного и мотивирующего..." (там же), то окажется, что словообразование не ограничено границами слова (цельнооформленного и даже аналитического). Кроме того, реально существует и субстантивация по модели (*тренерская*, *редакторская* и т.п.), когда синтаксическая позиция существительного является следствием состоявшегося словообразовательного акта, но не исходным пунктом.

Как указывается в работе, в окказионализмах могут иметь место различное рода усечения и совмещения фонем, "пределы которых определяются минимумом фонем, необходимых для идентификации мотивирующих слов и тем самым – значения мотивированного слова" (с. 74). Однако ряд окказиональных образований, в основном поэтических, как видно и из самой монографии, выходит за эти разумные пределы, так как коммуникативная установка может и отсутствовать либо быть намеренно загадочной (ср., например, на с. 76 окказионализм В. Хлебникова *равнебен*, требующий гипотетической расшифровки даже от исследователя его творчества). Если за такими образованиями видеть все же словообразование, а не словесную игру, то придется, видимо, различать окказионализмы "коммуникативные" и "некоммуникативные". В последних формальные изменения в принципе непредсказуемы.

Оценивая монографию И.С. Улукханова в целом, следует подчеркнуть, что это исключительно содержательное новаторское исследование, ценное и по методам, и по результатам. Несомненно его важность и для общей теории словообразования. Монография расширяет горизонты теории синхронного словообразования и, надо полагать, стимулирует новые исследования с применением исчислительно-объяснительного метода.

Р.С. Манучарян